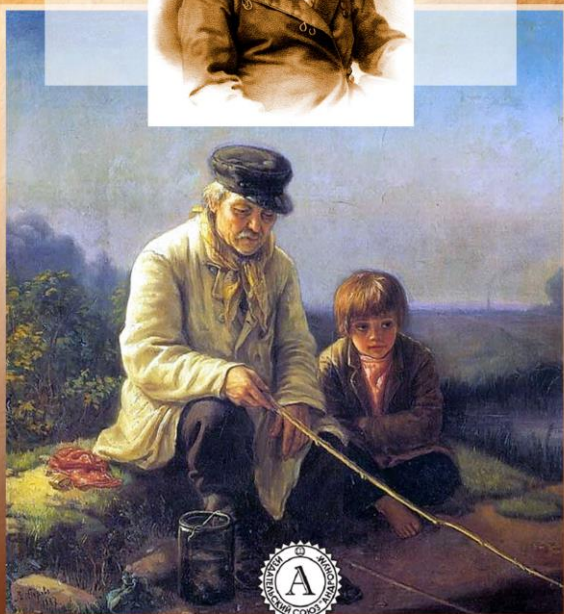

С. Т. АКСАКОВ

Записки
об ужении рыбы

«Записки об ужении рыбы» — произведение русского писателя, театрального и литературного критика С. Т. Аксакова (1791 — 1859).***

Эти «Записки» стали первой частью «охотничьей» трилогии автора, по форме являющих собой подборку очерков бывалого рыболова. Книга была воспринята критиками и читателями с одобрением.

Аксаков известен и как автор таких произведений: «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах», «Избранные стихотворения»

С.Т. Аксаков

Записки об ужении рыбы

Делу время и потехе час.

**Из книги «Устав сокольничьего пути»,
писанный царем Алексеем
Михайловичем.**

Охоту тешить — не беду платить.

Охота пуще неволи.

Русские пословицы.

Моим братьям и друзьям

Н. Т. и А. Т. АКСАКОВЫМ

Есть, однако, примиритель,

Вечно юный и живой,

Чудотворец и целитель, —

Ухожу к нему порой.

Ухожу я в мир природы,

В мир спокойствия, свободы,

В царство рыб и куликов,

На свои родные воды,

На простор степных лугов,

В тень прохладную лесов

И — в свои молодые годы.

***(Отрывок из послания к М. А. Дмитриеву,
1850 г. Январь.)***

ВСТУПЛЕНИЕ

Я написал записки об ужении рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия. Печатаю их для рыбаков по склонности, для охотников, для которых слова: *удочка* и *уженье* — слова магические, сильно действующие на душу. Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений, иногда уяснение какого-то темного чувства, не вполне прежде сознанного, — могут и должны быть приятны; во втором случае потому, что всякая опытность и наблюдение человека, страстно к чему-нибудь привязанного, могут быть полезны для людей, разделяющих его любовь к тому же предмету.

Ужение, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презреньем нападают, как на тихое, невинное ужение. Один называет его охотою празднолюбцев и лентяев; другой — забавою стариков и детей;

третий — занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: «Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками — там много движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное, даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу — признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договаривает, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастию, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не живали в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники — только до других родов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетями и удочкой за рыбою — все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно нам, от грубого дикаря до самого образованного человека. Противоестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь — все это вместе стремится заглушить мощный голос

природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым *красотам природы*, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой лунной ночи; но это еще не любовь к природе; это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света; это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство: зато их любовь этим и оканчивается. Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травю; поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами; окружите их благовонием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всю жизнь творения: для них тут нет красот природы, они не поймут ничего! Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; смотря на них, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу

города, на свои балконы и террасы, подышать благовоением загнивших прудов в их жалких садах или вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем... Но, бог с ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня, — в ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всюю пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу, рассеется

это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Но я увлекся в сторону от своего предмета. Я хотел сказать несколько слов в защиту уженья и несколько слов в объяснение моих записок. Начнем сначала: обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневного зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое внимание во время самого уженья, приискиванье удобных мест, для чего иногда надо много их перепробовать, много исходить, много изъездить на лодке: все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые, не имея настоящей охоты к уженью, а просто не зная, куда деваться, чем занять себя, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато уженье, что такие люди к нему прибегают? Другое обвинение, будто уженье забава детская и стариковская — также не основательно: никто в старости не делался настоящим

охотником-рыболовом, если не был им смолоду. Конечно, дети почти всегда начинают с уженья, потому что другие охоты менее доступны их возрасту; но разве дети в одном уженье подражают забавам взрослых? Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий ногами, может удить, находя в том некоторую отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно из важных, драгоценных преимуществ уженья пред другими охотами. Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных, или, попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были так же глупы. Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей, которых мудрено заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Известно, что наш знаменитый полководец Румянцев предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: *это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить*. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на

помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо ужения трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, — так страстно любил он эту охоту! Людовик-Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел государственных, посвящал удочке в своем прелестном Нельи.

Теперь объяснимся о моих записках: на русском языке, сколько мне известно, до сих пор не напечатано ни одной строчки об рыболовстве вообще или об ужении в особенности, написанной грамотным охотником, знающим коротко свое дело. На французском и английском языках есть много полных сочинений по этой части и еще более маленьких книжек собственно об ужении. В Лондоне даже существует общество охотников до ловли рыбы удочкой, которое систематически преследует эту охоту, совершенствуя ее во всех отношениях. Некоторые сочинения об этом предмете у французов написаны очень живо и увлекательно. Но у нас они не переведены, а если бы и были переведены, то могли бы доставить более удовольствия при чтении, чем пользы в применении к делу. Причиной тому разность в климатах, в породах рыб и их свойствах. В этом случае добросовестные наблюдения рыболова-туземца, как бы ни были недостаточны, будут иметь важное

преимущество.

Все это вместе решило меня сделать первый опыт на русском языке. Охотников до ужения много на Руси, особенно в деревнях, и я уверен, что найду в них сочувствие. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *трактат об ужении*, не *натуральная история рыб*. Моя книжка ни больше ни меньше как простые записки страстного охотника: иногда поверхностные, иногда односторонние и всегда неполные относительно к обширности обоих предметов, сейчас мною названных.

1847 год.

[Я печатаю книжку мою третьим изданием. В течение шести лет, постоянно продолжая удить, с меньшим увлечением и большим вниманием, я имел возможность для второго издания сделать много новых наблюдений и сказать пространнее и полнее о том, о чем было сказано слишком коротко, в чем справедливо обвиняли меня некоторые охотники; в течение же последних трех лет я почти ничего нового прибавить не мог.

1856 год .]

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДОЧКИ

Вероятно, из всех родов рыболовных снастей одна из первых была изобретена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегам реки или моря для добывания себе скудной пищи или беспечно отдыхая под тенью крутого берега и растущих на нем деревьев, заметил стаю рыб, плавающих около берегов; видел, как голодные рыбы жадно хватают падающих на поверхность вод разных насекомых и древесные листья, и, может быть, сам бросал их в воду, сначала забавляясь только быстрыми движениями рыб. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы в насекомые спрятать что-нибудь, похожее на крючок (из кости или крепкого дерева) и привязать его на нитку, выделанную из звериных жил или волокон растений, и что если рыба схватит и проглотит такую насадку, то крючок зацепит, и рыбу можно будет вытащить на берег. Так, вероятно, родилась удочка; почти такова она и теперь в деревнях у крестьянских мальчишек: загнутый крючком гвоздь без шляпки, крючок из проволоки или булавки, привязанный на нитку, с камешком вместо грузила и палочкою сухого дерева или камыша вместо наплавка... ведь это почти удочка дикаря. Впрочем, даже и у нас, в

настоящем своем развитии, у самых взыскательных охотников удочка строго сохранила все первоначальные основные свои качества.

Слово *удочка* — название общее. Она состоит из следующих частей: удилища, лесы, поплавок, или наплавок, грузила, поводок и крючок. Все это рассмотрим мы внимательно, порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ

Едва ли нужно говорить, что этим именем называется длинный прут или палочка, к которой привязывается леса. Удилища бывают искусственные и натуральные: я решительно предпочитаю последние. Искусственное, складное удилище делается из морского тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается из дерева, так что одно коленце, будучи тонее, может вкладываться в другое, более толстое; целое удилище состоит из трех или четырех таких коленцев; все они привинчиваются одно к другому или просто втыкаются одно в другое; верхнее коленце делается из китового уса или тонкой камышинки с маленьким проволочным колечком на верхнем конце для привязки лесы. Такие складные удилища, хорошо отделанные, с набалдашником и наконечником, имеют наружность толстой

красивой палки; кто увидит их в первый раз, тот и не узнает, что это целая удочка; но, во-первых, оно стоит очень недешево; во-вторых, для большой рыбы оно не удобно и не благонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то есть первое коленце, состоящее из китового уса или камышинки, а для вытаскивания крупной рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище по крайней мере до половины его; в-третьих, его надобно держать всегда в руках или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что иногда неизбежно, то оно намокнет, разбухнет и даже со временем треснет; к тому же размокшие коленца, покуда не высохнут, не будут свободно вкладываться одно в другое; в-четвертых, все это надо делать неторопливо и аккуратно — качества, противоположные натуре русского человека: всякий раз вынимать, вытирать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать лесу с наплавком, грузилом и крючком, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить в футляр или ящичек и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такие складные удилища подделываются у нас из простого дерева; нет сомнения, что последние никуда не годятся. Во многих местах употребляют удилища составные: к обыкновенному березовому или ореховому

удилищу прикрепляют верхушку из китового уса или тонкого можжевельного прута; но и здесь почти те же неудобства: гибь будет также неровна и верхушка станет сгибаться только до того места, где она привязана. Всего проще и лучше цельные, натуральные ореховые или березовые удилища: последние прочнее, и везде скорее можно их сыскать; говорят, что и вязовые также хороши, но мне не случалось их употреблять. Весною, покуда лист еще не распустился, а сок дерева уже бросился из корня вверх и надулись почки на ветвях, всего благонадежнее срезывать удилища; впрочем, можно срезывать их и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкие, длинные и прямые; тщательно обрезать все сучочки, оставя главный ствол неприкосновенным во всю его длину, до самой последней почки, причем должно наблюдать, чтобы удилище не было тонко в комле; нижнюю половину, идущую к руке, надобно оскоблить, даже сострогать, если она слишком толста, а верхнюю *непрерменно* оставить в коже; несколько таким образом приготовленных удилищ должно плотно привязать к прямому шесту или доске и в таком принужденном положении завялить, то есть высушить в комнате или на воздухе под крышей, где бы не брали их ни дождь, ни солнце. Такое удилище, если не сломается от неосторожности, может служить два и три года.

Выбор и приготовление хорошего удилица весьма важны. Прямизна и гибкость верхнего его конца необходимы для успешной подсечки; следовательно, от хорошего удилица зависит иногда количество выуженной рыбы, но верх его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьмет крупная рыба. Тут-то можно полюбоваться, как на хорошем удилице, согнувшемся до половины в дугу, будет ходить на кругах огромная рыба до тех пор, пока искусная рука рыбака утомит ее и подведет к берегу, где можно взять добычу другою, свободною рукой или, что всего благонадежнее, подхватить сачком.

Всякому известно, что такое сачок. Но вот какие качества должен иметь он: 1) сачок должен быть легкий; 2) ободок, к которому прикрепляется сетка, лучше употреблять железный, а чтобы ржавчина ее не передала, можно обшивать ободок холстиной и к ней уже пришивать сетку; 3) мешок из сетки — тонкой и не частой; 4) мешок этот должен быть не мелок, четверти в три глубиною, для того чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть в нем.

ЛЕСА

Лесою называется нитка, одним концом привязанная к удилицу, а другим к крючку. По

большой части она свивается из волос конского хвоста; но есть лесы шелковые, нитяные и приготовленные из какого-то индийского растения,¹ прозрачностью совершенно похожего на белый конский волос. Все эти роды лес имеют свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первые и по прочности и по удобству доставания свежих конских волос; нетрудно найти искусника свить, или ссучить из них лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплести: плетеная леса прочнее, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше уметь это делать самому. Лесы шелковые и нитяные в России не готовятся на продажу; они получают из Англии и Австрии; с крючком, наплавком и грузилом они продаются в магазинах не менее двух рублей пятидесяти копеек ассигнациями — цена слишком высокая. Можно готовить их дома; всякая женщина умеет ссучить на руках или на маленьких колесах, на которых спускают тонкие бечевки, несколько шелковинок или ниток (всего лучше конопляных) какой угодно толщины и длины. Выгода таких лес состоит в том, что они, будучи без узлов и не имея

---

¹ Так думал я прежде по слухам; но теперь думаю, что это шелк-сырец, приготовляемый каким-нибудь особенным способом.

упругости, извиваются по движению воды, разнообразят и представляют натуральным, как будто шевелящимся, вид насаженного червяка или чего-нибудь другого; когда же насадка и конец шелковой зеленой леси лежат на дне, то она совершенно походит на волокны длинного водяного моха, называемого водяным шелком. Должно признаться, что рыба берет на них охотно; но зато они довольно скоро перегнивают и нестерпимо путаются, что отнимает много времени и ужасно надоедает; обоим этим порокам можно несколько помочь, проварив леси в растопленном воске,² но от того они отчасти потеряют свою, так сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до леси из индийского растения, тонкой, как конский волос, то вся ее выгода состоит в прозрачности и легкости; если насадка также легка (например, мухи, кузнечики и проч.), то она стоит на всех глубинах воды и долго плавает на поверхности, не погружаясь; но зыблемости шелковых и нитяных лес она не имеет и более пригодна для ужения некрупной рыбы без насадка, особенно в водах прозрачных, около

---

² Здесь опять должно сказать, что это не прочно: воск скоро сойдет, и леси начнет путаться по-прежнему; впрочем, воск можно подновлять.

полудня, когда рыба гуляет на поверхности воды. Такая леса (из индийского ли она растения, или из сырца) сначала очень крепка, и с помощью хорошего удилища и осторожности можно на нее выудить рыбу в четыре и даже в пять фунтов; но она скоро мшарится, то есть делается шероховатую, местами тонеет; высыхая на солнце, в сгибах трескается в длину и для ужения хорошей рыбы делается неблагонадежною, даже опасною. Говорят, что все это можно отвратить, вытирая ее досуха всякий раз после ужения и вымазывая маслом; но я, верный моей русской беспечной природе, никогда этого не пробовал и много раз терял рыбу и удочку; я скажу об этом подробнее в статье о поводках.³

Итак, обратимся к лесам из конских волос. Получаемые из-за границы очень хороши, но зато и

---

³ В 1853 году привезли мне в подарок из Гавра много чудесных лес, очень тонких и полупрозрачных, имеющих в то же время (покуда они сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблял их целый год и должен сказать, что сначала они удивительно крепки и могут выдержать самую крупную рыбу, но месяца в четыре, при ежедневном ужении, перегнивают и требуют перемены. Намокнув, они делаются мягки, как шелк, но высохнув, опять получают упругость; они свиты из нескольких удивительно тонких волокон, кажется сырцовых. В Гавре называют их американскими. Рыба берет на них очень охотно. Может быть, это волокны какого-нибудь американского растения.

очень дороги и не довольно разнообразны в своей толщине. Покупаемые в русских лавках обыкновенно ссучены неровно и часто из старых, уже не так прочных волос, что, впрочем, можно узнать по желтоватому цвету. Итак, всего лучше готовить их дома.

Надобно выдернуть волосы из хвоста белой⁴ лошади; выбрать самые длинные, ровные, белые и прозрачные и сучить или вить из них лесы какой угодно толщины: от двух, четырех, шести и до двадцати волос. Можно вить и сучить лесы цельные или с коленцами. Цельные, без сомнения, лучше, но для приготовления их надобно гораздо более уменья. Лесы с коленцами делаются очень просто. Берутся, например, шесть конских волос одинаковой длины, выравниваются в толщине,⁵ завязываются на конце обыкновенным узлом, разделяются поровну и сучатся или выются (как кто лучше умеет) до самого конца волос; потом опять завязывается обыкновенный узел: это

---

⁴ Приготавливаются лесы и из черных волос, но очевидно, что прозрачность белых волос, сливаясь с водою, делает лесу не приметною для рыбы, следовательно лучшею.

⁵ То есть одна половина волос кладется комлем вверх, а другая вниз.

называется коленцем. Коленцы связываются между собой уже двойным рыбачьим узлом, затягиваются как можно крепче, коротенькие кончики подстригаются довольно плотно, и вот вам готова леса какой угодно длины. Объяснить на словах свиванье цельной леси довольно трудно; но раз увидевши, как это делается, перенять легко. Тут волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются один за другим: как скоро приходит к концу один волос, то другой впускается на его место, а кончики обоих обстригаются так плотно, что после даже неприметно, где волосы оканчивались и где вставлялись. Сделанные таким образом леси, по окончании каждого ужения и в продолжение зимы сохраняемые в сухом месте, если не будут изорваны насильственно, могут служить года три и более, хотя бы весною, летом и осенью удили на них каждый день. Не нужно распространяться, как важна для охотника крепость леси, которая преимущественно зависит от ее ровности. Леси, плетенные из волос, как обыкновенно заплетаются девичьи косы, особенно хороши. Они гораздо прочнее сученых и витых лес и никогда не путаются.

НАПЛАВОК

Наплавком называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная, палочка,^б длиною и толщиной в палец, из легкого дерева, или древесной коры осокоря, или из пробки, привязываемая к лесе в каком угодно расстоянии от крючка. Величина наплавка должна зависеть от толщины лесе, тяжести грузила, величины крючка и удилица. Если наплавок мал — он тонет, если велик — не встает на глубине, а это иногда бывает нужно. Наплавок имеет два назначения: первое, чтобы крючок с насадкой плавал в таком расстоянии от дна, какое нужно рыбаку, или лежал на дне, смотря по надобности, и второе, еще важнейшее, чтобы он показывал своим движением всякое прикосновение рыбы к насаженному крючку и, наконец, время, когда надобно подсечь (то есть дернуть удилицем лесе) и вытащить на берег свою добычу. Следовательно, всякое легкое, плавающее на воде вещество может служить наплавком. Наплавки готовятся различным образом: 1) Они вырезаются или вытачиваются из коры *осокоря*, которая имеет прекрасный темно-красный

---

^б Впрочем, фигура наплавка — дело произвольное. Я видал наплавки, очень искусно вырезанные из осокоря, представляющие рыбу, птицу и даже человека; но вообще наплавок бывает в середине толще.

цвет, очень легка и не намокает в воде. По-моему, это самые лучшие наплавки. 2) Можно их делать из всякого сухого дерева: на один обвостренный конец маленькой палочки, в палец толщиной посередине, плотно надевается нижняя половина гусяного пера, а в другой, обвостренный же, втыкается маленькая, из проволоки сделанная петелька для продевания лесы, другой конец которой (то есть лесы) продевается сквозь колечко, вырезанное из пера и надеваемое на перьяной конец наплавка (колечко должно быть несколько шире пера). 3) Вместо дерева можно употреблять пробку: пропускают сквозь нее тоненькую деревянную палочку и потом обделывают точно так же, как наплавки второго разряда. Есть еще наплавки, получаемые из-за границы, сделанные из одного гусяного толстого пера и устроенные точно так же, как сейчас описанные мною наплавки; но они пригодны только для удочки наплавной, без грузила, ибо слишком легки; притом толстый конец пера, в котором утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучом или особенною смолою; если вода как-нибудь туда проникнет, то наполнит пустоту пера, и наплавки будут тонуть; притом они не видны на воде. Хотя осокоревые наплавки менее удобны для передвиганья, ибо каждый раз надобно распустить двойную петлю лесы, которую затянут наплавки, зато они менее сложны и реже портятся;

а у наплавков второго и третьего разрядов проволочные петельки часто выдергиваются и перьяные колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно иметь запасные, но надевать их хлопотно: должно отвязывать лесу, если крючок и грузило по величине своей сквозь перьяное колечко пройти не могут. Можно также употреблять наплавки из зеленого и сухого камыша особой породы, мягкого, толстого и ноздреватого внутри; но он непрочен и не везде рождается. Величина наплавка должна быть соразмерна с целым устройством удочки, как я уже и сказал, а потому наплавков должен иметь такую тяжесть, относительно к этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая в рот насадку крючка, не почувствовала никакого препятствия.

ГРУЗИЛО

Грузилом называется кусочек металла, почти всегда свинца (ибо он тяжел и мягок), прикрепляемого к лесу, в недалеком расстоянии от крючка для его погружения в воду. Грузила бывают разной тяжести смотря по величине всей удочки и текучей или стоячей воде. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней — одной, двух или трех крупных дробинок, а для самой огромной употребляют небольшую пулю. Прикрепление грузила из свинца делается

следующим образом: берется кусочек свинца такой величины, какой надобно, разбивается в длинную узенькую пластинку и наворачивается на лесу или поводок; а чтобы грузило не передвигалось, то легким ударом молотка бока его сжимаются. Дробины прикрепляются еще проще: возьмут дробину или пулю, разрежут ее до половины ножом, вложат в это отверстие лесу и потом краешки сколотят. Всегда надобно прикреплять грузило к волосяной лесе, повыше шелкового поводка, ибо свинец скорее переедает шелк, чем конские волосы. За неимением дробы и пули можно сделать грузило из всякого кусочка свинца, о чем сейчас мною сказано, наблюдая только, чтобы фигура его была овальна: угловатое грузило скорее заденет за траву или шероховатое дно. После свинца всего лучше олово, а за неимением того и другого можно употребить и медь и железо: последние привязываются иногда к лесе особой ниткой.

КРЮЧОК

Без сомнения, это важнейшая часть удочки: весь успех ужения зависит от доброты крючка. Лучшие крючки — английские. Величина их

различна и разделяется на двенадцать номеров.⁷

При выборе их надобно наблюдать следующее: 1) Крючок должен быть хорошо закален: недокаленный будет разгибаться, а перекаленный — ломаться; синий цвет, признак доброй закалки, легко подделать, и потому всего лучше каждый крючок попробовать погнуть рукою. В случае крайности лучше брать крючки недокаленные: они будут разгибаться немного, а перекаленные будут ломаться; последние никуда не годятся. 2) Сгиб крючка должен быть кругловат, не слишком глубокий и не мелкий, широкий, к острому концу немного погнут набок. Жало должно быть остро, длинно, смотреть в сторону. Выгода первых двух качеств не требует пояснения, но выгоду последнего — для чего конец крючка должен быть погнут немного вбок — можно узнать только из опыта. Если вы будете удить на две одинаковые по величине и устройству удочки, из которых у одной жало крючка смотрит на сторону, а у другой прямо по спинке крючка, то увидите, что на вторую удочку будет втрое более промахов, чем на первую. Без сомнения, причина состоит в том, что при подсечке крючок с жалом прямым удобнее

---

⁷ Это разделение прежнее. Теперь насчитывается множество номеров, но я хорошенько их не знаю.

выдергивается изо рта рыбы, не задев за которую-нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто отделяться и крепко держаться в рассечке, ибо она не допускает крючок выскользнуть назад изо рта подсеченной рыбы. Крючки нередко ломаются в рассечке, если она слишком глубока. 4) Крючок не должен быть толст. Толстый крючок неудобен, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряет на нем свой натуральный вид и сейчас умирает, и особенно потому, что крючок тонкий скорее пронзит губу. Еще труднее толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьего рта, которая бывает очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мешает живости насадки, которая обыкновенно сбивается книзу и верхняя часть спинки остается ничем не закрытою. Это рыбу пугает, но сверх того, если она и возьмет насадку в рот, что почти всегда делается на ходу (кроме ужения со дна), то сейчас почувствует твердую, не закрытую спинку крючка и проворно выплюнет (выкинет назад) насадку. В этом всякий наблюдательный охотник может убедиться собственными глазами, когда будет удить в светлых водах. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того чтобы завязка поводка или волосяной леси не обрезывалась и держалась крепко: это последнее

условие очень важно. Завязка часто подрезывается внутри неприметно для глаза, хотя бы заботливый рыбак всякий день осматривал свои удочки; дело идет хорошо, покуда берет небольшая рыба, но чуть взяла крупная — прощай и крючок и добыча... Леса взвивается вверх, как будто просто сорвалась рыба, огорченный охотник поспешно достает свежего червя, хочет насадить и вместо крючка видит перерезанный конец поводка или лесы, которым была она привязана... Тут последуют заключения: «Рыба была так велика, что поводок не выдержал, откусила щука» и проч., а это вздор! При внимательном рассмотрении окажется, что длина поводка или лесы не убавилась, а что она порвалась у самого крючка, в самой завязке.

Обращаю особенное внимание охотников-рыбаков на привязку крючка к поводку или прямо к лесе: от прикосновения к железу и мокроты привязка, то есть самый узелок, часто переедается ржавчиной; для предохранения от нее можно под привязку наматывать тонкую шелковинку в один ряд, но не более, иначе привязка будет толста. Всего лучше осматривать крючки ежедневно и внимательно: чуть появится желтизна около привязки — сейчас переменить поводок. Хотя и волосяная леса подвергается действию ржавчины, но она долее ей противится.

ПОВОДОК

Поводком называется особый небольшой *привязок* к лесе, к которому уже прикрепляется крючок. Поводки бывают: 1) из тонкой проволоки, медной или железной; 2) из басовых и простых толстых струн; 3) из спинки гусяного пера во всю его длину, очищенную от мякоти, и 4) из шелка. Первые три рода поводков употребляются для ужения щук, ибо по множеству и остроте зубов она перегрызает, иногда в одну секунду, всякие леси: волосяные, нитяные и шелковые, а последний род поводков шелковых почти никто не употребляет. Это собственно придумано у нас в доме одним старым рыбаком. Тридцатилетняя опытность моя и нескольких охотников, перенявших эту выдумку, удостоверили меня в ее несомненной пользе. На удочку с шелковым поводком всякая рыба берет (по-охотничьи: клюет) гораздо жаднее. Почти все, что было мною говорено о выгодах шелковой леси, состоящих в ее зыблемости, шелковый поводок имеет в себе, для чего он должен быть не короче шести вершков; а волосяная лесь, к которой он привязан, не путается и не гниет так, как цельная шелковая: разумеется, всякий год надобно раза четыре переменять поводки; но это нетрудно. Еще выгода: шелковым поводком гораздо крепче привязывается крючок, чем волосяною лесою;

причина очевидная: упругость волос. Толщина поводка зависит от толщины лесеы. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводок, ссученный из шести, на среднюю из четырех, а на маленькую из двух обыкновенных шелковинок английского шелка. Здесь разумеется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса в четыре: для удочки наплавной поводок из двух шелковинок будет тяжел. Шелк для поводков лучше употреблять зеленый, ибо он сходен цветом с травой, но в случае нужды годится всякого цвета. Хороший шелк бывает так крепок, что на свежий поводок из *одной* шелковинки можно вытащить с осторожностью рыбу в пять фунтов; только такие поводки, если удить постоянно, надобно переменять раз или два в неделю.

Есть еще поводки, получаемые из-за границы, из индийского растения или сырца-шелка с прикрепленными уже крючками; они имеют все достоинства и пороки целых таковых лес. Рыба берет на них очень хорошо, но предупреждаю охотников, чтоб они не привязывали своих лес к выписным, волосяным поводкам за *петельку*, которая всегда у них делается, а связывали бы поводок с лесою обыкновенным рыбачьим узлом. Индийский волос на петельке легко рвется, и потому я до них небольшой охотник. Я испытал это, к несчастью, много раз. — Леса в один конский

волос употребляется без поводка, впрочем, можно и вовсе не употреблять поводков, а привязывают крючок прямо к лесе, что и делают почти все охотники.

УСТРОЙСТВО УДОЧКИ

Как скоро все части удочки у вас будут изготовлены, то вам остается только устроить целую удочку. Удочки бывают различной величины смотря по своему назначению: *маленькие* для мелкой рыбы: гольцов, пескарей, ершей, уклеек (в Оренбургской губернии их называют сентявками и белоглазками), ельцов, мелких окуней и плотвы; *средние*, более других употребительные, для крупных окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большие* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для пород, сейчас мною поименованных, достигающих иногда огромной величины, и особенно для пород хищных: для щук, жерихов, сазанов, судаков, карпий и лохов, или *красуль*. Разумеется, это разделение произвольно, и если удить в водах, где водятся все породы рыб, то легко может взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку; она любит иногда попроказить и, не трогая большие, самые лакомые насадки, хватает за пшеничное зернышко, кусочек хлеба с булавочную головку или муху... И страшно

и весело бывает тогда рыбаку!.. Горько, когда рыба сорвется или порвет лесу; зато какое счастье, если на маленькую удочку вытащит он большого язя или головля. Верно одно, что на большую удочку не возьмет уже мелкая рыбка — по величине насадки.

Итак, вы берете крючок, привязываете к нему поводок, поводок привязываете к лесе и сейчас прикрепляете к ней грузило; если у вас наплавок с петелькой и пером, то надеваете его с другого конца лесе и, отмеривши ее столько, чтоб она была четверти две или полторы длиннее удилица, привязываете ее двойною петлею к тонкому его концу, к самой верхушке, а как вся лесе должна быть всегда гораздо длиннее удилица, то остальную ее часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху вниз, и где лесе кончится, там привязывать ее гладенько к удилицу вощенной ниткой.

Теперь устроена у вас удочка обыкновенная, всего более употребляемая; но есть еще два рода удочек: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то есть ее лесе, бывает длиною до восьми аршин и более; грузило ее состоит из пули и прикрепляется: от трех четвертей до одного аршина расстоянием от крючка, который обыкновенно берется из самых крупных номеров, то есть: первого, второго, третьего. — Такая удочка с самой толстой лесою, волос в тридцать, употребляется на

больших и быстрых реках без наплавка; леса привязывается к маленькому и самому гибкому удилищу; а как ее нельзя закинуть обыкновенным образом, то леса забирается кругами в руку до самого грузила, и таким способом крючок с насадкой закидывается на большое расстояние. Тут уже удилище всегда держится в руке и служит для указания, что рыба взяла, для подсечки и для того только, чтоб уводить и утомить рыбу, по большей части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою или сачком. По большей части такое ужение производится по ночам и с лодки. Я сам видел, как рыбак удил таким образом на Москве-реке (в 1827 году) огромнейших головлей, фунтов по девять; он уверял меня, что головли иногда попадаются в четырнадцать фунтов.

Наплавная, или накидная, удочка устроивается из лесы в два и даже в один конский волос, без грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленький крючок (№ 10, 11, 12), а она привязывается к тонкому, легкому и гибкому удилищу. Насадка состоит из мух и самых маленьких красненьких червячков, называемых *мотылями*, которых я нигде, кроме окрестностей Москвы, не видывал. Крючок почти не тонет, и рыба хватает насадку на поверхности воды. Удить надобно на местах быстрых. Предпочтительно берут: ельцы, языки, головлики и уклеяка.

Разумеется, удилище надобно держать в руке. Я не охотник ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать последнюю. Обыкновенно удят на нее с моста или войдя в воду по колени и глубже; в таком только положении удобно ее закидывать по ветру: ужение беспокойное и требующее большого навыка. Чувство осязания в руке должно быть так развито, чтобы верно указывало время подсечки: со всем тем на каждую рыбу придется по нескольку промахов. Подонная и наплавная — начало и конец всех удочек. Кстати здесь сказать, что вообще ужение без наплавка мне не нравится не только потому, что оно беспокойно, ибо надобно постоянно держать удилище в руке, но главное потому, что ужение без наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюдение за движениями наплавка, за различием и значением этих движений, ожидание, что сейчас потянет или утащит наплавок, — все это вместе составляет наслаждение для охотника. Притом есть такого рода клев, где только глазами можно различить, когда надобно подсечь; а если судить по силе дерганья (без наплавка же иначе судить нельзя), то будешь беспрестанно ошибаться: станешь подсекать не вовремя и пропускать настоящее мгновение для подсечки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой. Итак, удочки у нас

готовы всех сортов: надобно уметь их насадить, или, как многие охотники говорят, наживить.

НАСАДКА

Насадкою называется все то, что для приманки рыбы насаживается на острый конец крючка, который, если насадка велика, прячется в ней весь. Исчисляя многообразные виды и роды насадок, я скажу об уменье насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сделать одно общее правило: жало крючка должно быть так скрыто в насадке, чтоб его не было видно глазами и слышно осязанием; чтоб оно не укололо рта рыбы при самом первом ее прикосновении, но чтоб в то же время выход жала был свободен и чтоб при подсечке или собственном движении рыбы (которая, взявши в рот насадку, иногда вдруг бросается в сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутренние части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, везде находимая в навозе весной, летом, осенью, употребляемая всеми насадка — есть красный *навозный червь*, называемый в низовых губерниях *глистою*. Только в середине лета рыба берет на него не так охотно. На него клюют все породы рыб, кроме жериха и щуки, но и те иногда изволят им лакомиться,

особенно щука. Разумеется, на навозного червячка, по его мелкости, обыкновенно берет мелкая и средняя рыба, но иногда хватает и крупная. Красного червяка надобно насаживать, впуская жало в его голову,⁸ весь крючок должен быть в нем скрыт; всего лучше, чтобы головка держалась на привязке лесы или на плечиках крючка, середина скрывала в себе крючок и жало, а хвост изгибался на свободе. Таким образом, червяк, нигде по бокам не прорванный, будет довольно долго жив и сохранит свой натуральный вид: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватает за длинный хвостик, но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка не удобна: рыба схватит за длинный конец и наплавок утащит; рыбак дернет — и полчервяка безвредно останется во рту рыбы. Разумеется, чем меньше удочка, тем меньше насаживается червяк. Для большой рыбы на один и тот же крючок насаживают по нескольку навозных червей, даже по десятку и более, прокалывая их поперек и спрятав жало в одном из червей: это называется удить на

---

⁸ Иногда можно насаживать и с хвоста, если мелкая рыба беспрестанно отрывает только один хвостик. Особенно выгоден этот способ насадки при ужении ершей. Жало крючка скрывается тогда в голове червяка.

кучу глист .

2) *Земляной червь* , фигурой совершенно сходный с червяком навозным; он длиною бывает вершка в три и даже четыре, а толщиною почти в мизинец; цвета бледно-коричневого, самые же крупные — коричневого. Земляные черви насаживаются не совсем так, как навозные. Насадка делается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы пальца на полтора, весь крючок поместить в остальной его части, а плечики крючка спрятать в скважине, или насаживать с хвоста, отступя пальца на два и более, острый конец крючка скрыть в голове червяка, которая будет несколько висеть, а тупой — в его середине. Многие предпочитают второй способ, утверждая, что рыба охотнее берет червяка с головы; но я не могу вполне с этим согласиться. По моему замечанию, мелкая рыба жаднее берет червяка с хвостика, а крупная, особенно окунь, — как случится и всего чаще поперек. Этой породы червей я не видывал в Оренбургской губернии, а здесь, около Москвы, их очень много. Удочки надобно употреблять самого большого размера. Язи, головли, лини и особенно окуни берут на этого червя очень хорошо; он имеет и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогает.

Есть еще глиста, или червяк, тоже земляной. Он отличается от обеих пород червей, сейчас

описанных: он белесоват, очень длинен, но не толст; тело его прахово и легко рвется; он пригоден для насадки средних удочек. Обе породы земляных червей не живут в навозе, а в земле. Вторых можно везде найти, а первых — иногда очень трудно: в сухое время они уходят глубоко в землю и только после дождя вылезают наружу, особенно ночью. Любимое их местопребывание — рыхлые гряды в огороде: там, после дождя, можно застаться ими надолго, но для сбережения надобно держать их в большом глиняном горшке, засыпав сверху, вершка на два, обыкновенной землей; горшок должно ставить в подвал и на ужение брать червей понемногу. Таким образом можно сохранять их несколько дней, даже неделю, в сильные жары.

3) В Москве-реке, в речках, в нее впадающих, и в заливаемых ею озерах водится маленький червячок, называемый *мотыль*, вероятно, оттого, что, состоя весь из крошечных суставов, он мотается во все стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо как скоро вы его проколете, то из него вытечет красная влага и останется одна прозрачная кожица. Несмотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькие удочки: прокалывая двух или трех поперек, в четвертом искусно прячут жало. Всякая мелкая рыба клюет на них очень охотно именно летом, когда плохо берет на червяка навозного; но

возня с ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиной в палец, длиною в вершок, с красною, жесткою головою, *белый червь*, в Симбирской губернии называемый *сальником*, а около Москвы, бог знает почему, *угрем*. Это гусеница навозного жука. Он насаживается точно так же, только всегда с головы, как и обыкновенный червь, с тою разницею, что находящуюся в нижней его части черную дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то он в воде скоро весь посинеет и даже почернеет. На него охотно берут крупные язи, окуни, особенно головли. Мелких же сальников, называемых у нас *молошниками*, насаживают не выдавливая.

Все породы червей надобно сберегать в ящичках, деревянных или металлических, которые бы плотно задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно им вредны; всего лучше такие ящички после уженья ставить на погребницу или в другое сырое и прохладное место.

5) Раки составляют во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы в тех водах, где они водятся; в водах же, где их нет, рыба на них не берет, но, вероятно, можно приучить. Обыкновенно употребляют облупленные, сырые раковые шейки, но можно употреблять и внутренние стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную

насадку немилосердно треплет плотва, и где ее очень много, там она выведет из терпенья всякого терпеливого рыбака. Можно удить и на вареных раков: рыба берет на них хуже, но плотва не станет так сильно трепать и раздергивать эту насадку. Самый же лакомый кусок, на который с жадностью бросается всякая крупная рыба, есть рак *линючий*. Всем известно, что раки линяют, то есть переменяют свою скорлупу, летом, в июне и в июле месяце.⁹

Это время их болезни, и потому они сидят в норах, откуда надобно вытаскивать их руками. Линючий рак тогда готов для насадки, когда можно с него и со всех его частей, даже с ножек, слупить осторожно старую жесткую скорлупу; под нею останется тонкая, молодая кожица, и он делается так нежен и мягок, что самого огромного рака может проглотать и язь, и головль, и линь, у которого рот очень мал относительно его величины. Все роды больших рыб, не исключая и хищных, до невероятности жадны до линючего рака. Он насаживается целый, исключая клешни, которые составляют особую лакомую насадку. Сначала крючок продевается сквозь середину шейки,

---

⁹ Не утверждаю, но мне сказывали, что в иных местах раки линяют два раза в год.

начиная с ее конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вон внизу, возле первых двух ножек, так что шейка остается продета поводком; отступя на полпальца, крючок снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходит несколько наружу возле рачьих глаз. Поводок легонько выправляется, и рак получает свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно делать очень искусно: если вы прорвете где-нибудь молодую кожу и жидкая внутренность рака выйдет наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчас начнет щипать за прорванное место и совершенно испортит вашу насадку.

Клещенки, или клешни, у крупных раков отрывают у самого туловища, во всю их длину, не повредив нигде ни маленького кончика, очищают от старой кожи и так же осторожно насаживают с верхнего узкого конца на крючок, который прячется в самой клешне при ее раздвоении: она расправляется на поводке и имеет вид вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно берет рыба средней величины и даже крупная.

Если линючий рак уже прорван, то можно насаживать его по частям, то есть: шейку особо, туловище разрезать вдоль пополам и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадке общее правило. Эти половинки рачьего туловища покрыты с внутренней стороны каким-то

мохом; большие окуни жадно берут на них. Уженье на такую насадку называется «уженьем на *рачий мошок* ». Все раковые насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавков не совершенно спокоен: они легко портятся от прикосновения мелкой рыбы, то есть жало крючка высовывается наружу.

Раков всего лучше иметь живых; но как это не всегда возможно (впрочем, раки живут без воды дни два и три), то надобно очистить шейки и сохранять их в жаркое время на льду.

б) *Печеный хлеб и хлебные зерна* . Ржаной хлеб, мягкий, умятый руками до степени липкого теста, скатанный несколько кругловатыми шариками, составляет также весьма употребительную насадку, особенно у крестьян, живущих по рекам, изобильным рыбой. Величина шариков бывает различная, смотря по величине крючка и рыбы, какую желаешь поймать: от мелкой горошинки до небольшого грецкого ореха. Всего охотнее берет на хлеб плотва, но берет также и всякая другая рыба, исключая пород хищных, также ершей и гольцов. Хлебная насадка, кроме удобства ее приготовления, имеет две выгоды: а) клев на нее вернее, ибо круглый кусочек хлеба нельзя таскать с места на место безнаказанно, как это часто делает рыба с хвостом насаженного червяка; и б) от вас зависит, насадив большой кусок хлеба, величиною с

грецкий небольшой орех, защитит тем себя от дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сделать ни с шейкой нелиняющего рака, ни с червяком. Можно удить на ситный и белый хлеб, но ржаной более имеет запаха, и рыба охотнее берет на него.

Хлебные зерна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы употребляются предварительно распаренные в горячей воде, отчего они делаются крупными, мягкими и удобными для протыкания жалом крючка. Насаживают по одному зерну, по два и по три, смотря по их мягкости, величине и по рыбе. Тут особенно надобно наблюдать, чтобы острие крючка выходило свободно. На зерна преимущественно ловится рыба, заранее прикормленная. Рыба берет всякая, кроме пород хищных, и даже весьма крупная.

7) *Живец, животка*, или мелкая, живая рыбка. На мелкую рыбку берет окунь, щука, шереспер, или жерих, судак и головль. На рыбку берет охотно и налим, но только по ночам; на маленькие кусочки изрезанной рыбки поздно осенью клюет плотва красноперка. Рыбку обыкновенно насаживают, впуская в ее спинку острый конец крючка, от головки к хвостику. Многие охотники задевают крючком за губу живца и утверждают, что этот способ гораздо лучше, что насаженная таким образом рыбка ходит бойчее,

долее живет и лучше приманивает хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менее правда и то, что рыбка, задетая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватит ее не самая крупная хищная рыба и не вдруг всю заглотает. Для насадки употребляются все породы рыб, кроме хищных; в случае крайности можно и их употреблять, разумеется покуда они очень малы; пескари же, гольцы и лошки во всех своих возрастах служат превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что довольно трудно. Самый простой способ — держать ее в ведре с водою, которую переменять как можно чаще, а всего лучше — в маленькой плетеной сажалке, которая может подле вас стоять или плавать в воде; но переносить эту сажалку с места на место неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи*. Все роды кобылок употребляются для ужения: от саранчи до кузнечика. Всего охотнее, как мне случилось заметить, берет крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая — на серенькую, очень маленькую. Удить надобно с легким грузилом и не рано, а около полдён, когда рыба гуляет поверху. Можно даже совсем снять грузило и пустить наплавок как можно мельче, иногда вершка в три глубиною, обращая таким образом обыкновенную удочку в наплавную. Все породы насекомых

насаживаются одним способом: крючок впускается в спинку от головки к хвостику. Этот род ужения бывает успешнее в водах чистых и довольно быстро текущих, особенно в реках степных, потому что в степях более водится кобылки, чем в других местах, и рыба привыкла к ней, часто попадающей в воду.

Жуки употребляются для ужения так называемые майские, но в средней полосе России они появляются в июне и держатся до половины июля и потому напрасно называются майскими. На них берут язи и головли. При насадке их надобно наблюдать, чтобы верхние, жесткие крылышки были приподняты и из-под них торчали их вторые крылья, длинные, мягкие и прозрачные. Некоторые охотники даже отрывают верхние, жесткие крылья.

Обыкновенные мухи составляют лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно берет на них с весны до осени, на удочку наплавную, или накидную; изредка берет рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякие насекомые, употребляемые для насадки, были свежие, живые, для чего следует их наловить перед самым ужением и посадить в чистый, сухой, стеклянный пузырек, потому что в мокром или имеющем какой-нибудь запах они тотчас перемерут.

Можно удить на коромыслов, бабочек, летучих тараканов, одним словом на всех